

© С. М. Ситяева, И. Ю. Махова, С. В. Яремчук

DOI: [10.15293/2226-3365.1605.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1605.01)

УДК 159.942+159.947.5

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ И НАМЕРЕНИЙ ПОДРОСТКОВ В ДЛИТЕЛЬНОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ*

С. М. Ситяева, И. Ю. Махова, С. В. Яремчук (Комсомольск-на-Амуре, Россия)

В статье отражены результаты изучения эмоциональных переживаний и намерений подростков, являющихся следствием включения детей в длительную экстремальную ситуацию. Выборку исследования составил 91 подросток 13–14 лет (46 девочек и 45 мальчиков), присутствовавшие в городе Комсомольске-на-Амуре во время наводнения реки Амур, когда режим чрезвычайной ситуации сохранялся с 21 августа по 26 сентября 2013 года (на момент экстремальной ситуации испытуемым было 11–12 лет). В качестве основного метода сбора материала использовался опрос, в котором испытуемым необходимо было ретроспективно оценить свое эмоциональное состояние в экстремальной ситуации, а также выразить согласие с высказываниями, отражающими возможные намерения респондентов в случае повторения экстремальной ситуации. В результате исследования обнаружено, что основными эмоциями подростков в длительной экстремальной ситуации являются эмоции интереса, удивления и любопытства, которые имеют корреляционные связи с намерениями активно действовать в случае повторения ситуации, сохранять спокойствие и обращаться к социальной поддержке. Корреляционный анализ также показывает, что уменьшение интенсивности интереса и любопытства сопряжено с возрастанием желания подростков уехать из города, в котором произошла экстремальная ситуация. Негативные эмоции, окрашивающие экстремальную ситуацию, оказались связаны с намерениями по ее активному преодолению. В заключении обозначены основные направления работы с подростками в длительной экстремальной ситуации: 1) профилактика возникновения у детей переживаний неотвратимости и непреодолимости потерь; 2) помощь детям в выражении их негативных чувств, понимание значения негативных чувств в возникновении намерений,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта 15-06-10067 "Совокупность реакций населения на изменившиеся в связи с длительной экстремальной ситуацией условия среды как системный психологический феномен (на примере паводковой ситуации в Дальневосточном регионе)"

Ситяева Снежана Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

Махова Ирина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

E-mail: miu60@mail.ru

Яремчук Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

E-mail: svj@rambler.ru

направленных на преобразование ситуации; 3) поощрение интереса и любопытства подростков, информирование их о происходящем.

Ключевые слова: экстремальная ситуация, наводнение, эмоции, намерения, подростки, адаптация.

Постановка проблемы

Современный мир характеризуется увеличением числа экстремальных ситуаций самого различного типа, в которые вовлекаются как взрослые, так и дети. Паводковая ситуация, возникшая в 2013 году на Дальнем Востоке, была одной из целого ряда экстремальных ситуаций природного типа, возникших в последние годы в России в результате разлива рек. Экстремальная ситуация захватила и крупные города, среди которых в наиболее тяжелом положении оказался город Комсомольск-на-Амуре, в котором режим чрезвычайной ситуации сохранялся с 21 августа по 26 сентября 2013 года. В ходе паводковой ситуации население города, насчитывающее более 250 тыс. человек, среди которых около 50 тыс. детей разных возрастов, переживало угрозу более сильных последствий.

Все экстремальные ситуации сопровождаются негативными эмоциональными переживаниями, такими как тревога, беспокойство, паника, отчаяние, безысходность и многими другими. Экстремальная ситуация вызывает у человека страх за собственную жизнь и жизнь своих родных и близких, ужас, ощущение беспомощности. Наиболее уязвимыми слоями населения во время стихийных бедствий считаются дети и пожилые люди [1], однако исследований, посвященных психологическим реакциям и переживаниям различных возрастных групп во время чрезвычайных ситуаций, остается крайне мало.

Н. В. Уварина отмечает, что дети и подростки оказываются самой страдающей категорией в случае экстремальной ситуации, поскольку их психика особенно сильно реагирует на кризисные ситуации, при этом они оказываются полностью зависимы от взрослых [2]. И. Н. Малинина¹ указывает на то, что при чрезвычайной ситуации ребенок ориентируется на близкого или авторитетного для него взрослого, «считывает» его состояние и тем самым влияет на состояние собственное.

Н. В. Онищенко обращает внимание на факторы, определяющие степень психической травматизации ребенка, в качестве которых могут выступать как внутренние (восприятие ребенком чрезвычайной ситуации, степень вовлеченности детей в ситуацию и отсутствие/наличие предыдущего опыта переживания травматических событий), так и внешние параметры (специфика чрезвычайной ситуации, возрастные особенности ребенка или подростка, реакции на происходящее значимых взрослых) [3].

В зарубежных исследованиях также выделяют факторы, влияющие на способность к восстановлению детей после травматического события: уровень развития ребенка, его психическое здоровье, поддержка, оказываемая ему другими людьми, реакция на ситуацию значимых взрослых, присутствие или отсутствие родителей рядом [4], а также пол и возраст ребенка. Так, в ходе ретроспективного исследования влияния наводнения 1997 года в

¹ Малинина И. Н. Психологическая помощь детям в чрезвычайных ситуациях // Современная психология: материалы III междунар. науч. конф.

(г. Казань, октябрь 2014 г.). – Казань, 2014. – С. 74–75.

Польше [5], осуществленного на выборке учащихся от 11 лет до 21 года, обнаружилось, что наибольшее травматическое воздействие испытывают младшие подростки, причем симптомы посттравматического расстройства чаще встречаются среди девочек, чем среди мальчиков. Большая подверженность посттравматическому стрессу девочек также была выявлена в исследовании подростков 13–19 лет, пострадавших от наводнения в Пакистане в 2011 году [6]. Изучение влияния наводнения в Китае в 1998 году на возникновение посттравматического стрессового расстройства у детей 7–15 лет [7], показало, что на тяжесть и долговременность эмоциональной реакции детей на экстремальную ситуацию влияют поведенческие характеристики подростков: дети с поведенческими проблемами оказываются более чувствительны к психологическому воздействию наводнения.

Реакции детей в экстремальной ситуации изучаются гораздо реже, чем реакции взрослых, и литература, связанная с этой проблемой, в большей степени посвящена острым и посттравматическим стрессовым реакциям детей, а также возможной помощи по их преодолению [8–9]. Авторами описаны наиболее распространенные симптомы, возникающие у детей в ответ на стрессовую ситуацию: нарушения общения со сверстниками и родителями, нарушения сна, временное снижение памяти, снижение способности к концентрации, навязчивые мысли, настороженность, подозрительность, раздражительность, страх, чувство вины, тревожность, депрессия и т. д.

Обобщая опыт работы с детьми после теракта в Беслане А. Л. Венгер, Е. И. Морозова и В. А. Морозов отмечают в качестве наиболее распространенных симптомов страха, нарушения сна и ночные кошмары [10]. Родители описывали такие проявления как отказ от еды, нарушения поведения, боязнь оставаться в

одиночестве, боязнь громких звуков и т. п. Некоторые родители отмечали у своих детей появление повышенной агрессивности. Данные наблюдений и экспресс-диагностики свидетельствовали о резко повышенном уровне тревоги, избегании контактов с окружающими, о наличии у многих детей, пострадавших в результате террористического акта, заторможенности, депрессивного состояния. У многих детей отмечалось хаотическое, нецеленаправленное поведение. У значительного числа подростков имелось острое чувство вины. Наряду с данной симптоматикой, специфичной для последствий психической травмы, наблюдалось обострение психологических проблем, имевшихся у ребенка ранее.

А. Спеиер, описывая типичное реагирование детей на экстремальные ситуации, выделяет общие реакции, характерные для детей любого возраста (страх, тревога, нарушения сна), а также специфичные для разных возрастных групп [11]. Автор отмечает, что подростки, стремясь добиться независимости от семьи, во время сложных жизненных событий разрываются между стремлением к автономности от родителей и потребностью в поддержке с их стороны. Стихийные бедствия могут стимулировать у подростков опасения, связанные с возможной утратой семьи, проблемами во взаимоотношениях со сверстниками и в учебе и т. д. Характерными реакциями на экстремальную ситуацию для подросткового возраста (от 12 до 17 лет) автор считает стремление детей к изоляции, физические жалобы (например, на головные боли или боли в желудке), депрессию и печаль, асоциальное поведение (например, воровство или агрессивное поведение), возникновение проблем в школе, снижение успеваемости, стремление к рискованному поведению, употребление алкоголя и наркотиков. Большинство из перечисленных симптомов являются преходящими и

исчезают в течение короткого периода, однако изоляция подростков может помешать им справиться с эмоциональными проблемами, особенно если ребенок боится выражать свои страхи и скрывает свои переживания от взрослых.

Такие реакции характерны для детей, переживших тяжелую травмирующую ситуацию, ставших жертвами террористических актов, насилия, стихийных катастроф, в которых дети становились непосредственными жертвами. Однако ситуация, сложившаяся в ходе наводнения на Дальнем Востоке, хотя и обладала всеми характеристиками экстремальности (внезапность наступления; резкий выход за пределы нормы; насыщенность противоречиями; прогрессирующие изменения в обстановке; наличие опасностей и угроз; неопределенность; нарастание напряженности и др.), вместе с тем не несла непосредственной угрозы жизни и здоровью детей, отличалась длительностью и постепенностью эскалации, имела позитивное завершение. Влияние этого фактора определяется тем, что реакция ребенка на бедствия существенно зависит от того, насколько разрушительное воздействие на себя стихийной ситуации он испытал во время или после события². Помимо этого, восприятие детьми подобных ситуаций существенно отличается от восприятия и реакций взрослых. Так, в исследовании М. Уттервалл с соавторами было выявлено, что подростки, пережившие цунами, демонстрируют большее спокойствие в субъективной интерпретации события и его последствий по сравнению со взрослыми [12].

² American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. Facts for families: Helping children after a disaster. Washington, 1998. Available at: http://www.aacap.org/AACAP/Families_and_Youth/Facts_for_Families/FFF-Guide/Helping-Children-After-A-Disaster-036.aspx (accessed 14.09.16)

Возникшая ситуация представляет интерес не только ее возможными последствиями, но и возможным воспитательным и развивающим эффектом, который она могла иметь для детей. Вопрос о возможности использования экстремальной ситуации, правда, искусственно созданной, как ресурса в личностном развитии ребенка ставился в работах И. Н. Мошковой, Н. Г. Осуховой и О. Л. Янушкявичене [13]. Авторы считают, что, когда дети преодолевают трудности сложной ситуации, они перестают ощущать себя жертвой, чувствуют ответственность за свою жизнь и жизнь других людей, учатся ставить цель и прикладывать усилия.

А. А. Реан отмечал, что в случае, если опыт нахождения в экстремальной ситуации интегрируется в жизненный опыт человека, это ведет к конструктивным новообразованиям, в которые входят новые паттерны поведения, позволяющие действовать более эффективно [14]. Ш. О. Исмаилов и М. Г. Магомедов³, констатируют, что у человека, попадавшего в экстремальную ситуацию и имеющего опыт ее преодоления, возникает готовность к действиям в экстремальных условиях и способность быстрее перестраивать психологическую деятельность, что увеличивает психологический защитный барьер и индивидуальную устойчивость.

На формирование готовности к чрезвычайным и критическим ситуациям, формирующуюся в экстремальных условиях жизнедеятельности, указывают также О. С. Ширяева, С. В. Кондрашенкова и Я. А. Сурикова [15]. При этом под психологической готовностью к чрезвычайным и кризисным ситуациям они

³ Исмаилов Ш. О., Магомедов М. Г. Адаптация личности к экстремальным ситуациям // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). – Челябинск, 2013. – С. 156–158.

понимают систему психологических характеристик субъекта, обеспечивающих адаптивное поведение в экстремальной среде. А. А. Кулик⁴ отмечает, что в процессе адаптации к новым, сложным и экстремальным условиям у человека создаются новые субъективные модели окружающей среды и своего места в ней. Эти модели во многом определяют дальнейшую адаптационную стратегию и связаны с психическим состоянием человека и особенностями его личности.

В качестве одного из компонентов готовности к повторению экстремальной ситуации могут выступать намерения человека к определенным способам реагирования. В психологии намерение понимают как сознательное решение или осознанное стремление субъекта исполнить то или иное действие в соответствии с намеченной программой, которое выполняет функции побуждения и планирования поведения или деятельности^{5 6}. Намерения, возникающие у детей вследствие их столкновения с экстремальной ситуацией – это тот опыт, который они могут вынести из нее, причем он может быть как конструктивным, так и деструктивным.

Цель

В нашем исследовании мы поставили **цель** выяснить, с какими эмоциями связывается у подростков экстремальная ситуация, которую они пережили (опыт длительного паводка 2013 года), какие намерения возникли у них вследствие погружения в эту ситуацию, а также как связаны переживаемые ими эмоции и возникшие у них намерения.

Методология

Исследование проходило осенью 2015 г., через два года после наводнения. В исследовании принимал участие 91 подросток 13–14 лет (46 девочек и 45 мальчиков), которым на момент экстремальной ситуации было соответственно 11–12 лет.

В методике испытуемым было предложено оценить свое эмоциональное состояние при работе со списком эмоциональных реакций, включающем эмоции разных групп (по Е. П. Ильину): эмоции ожидания и прогноза (испуг, тревога, страх, ужас, отчаяние), фрустрационные эмоции (разочарование, гнев, печаль, горе), коммуникативные эмоции (стыд, вина, презрение), интеллектуальные эмоции (удивление, интерес, любопытство). Наименования эмоций предлагались в алфавитном порядке, шкала оценки состояний варьировала от 0 до 10 баллов, при этом содержательно были заданы только крайние точки шкалы: 0 баллов – эмоция отсутствует, 10 баллов – эмоция ярко выражена.

В анкету также были включены высказывания, отражающие возможные намерения школьников в случае повторения экстремальной ситуации. Предлагаемые высказывания относились к четырем группам: 1) активные действия («В ситуации наводнения я намерен активно действовать», «Если наводнение повторится, я буду помогать пострадавшим людям», «Если наводнение повторится, я буду помогать пострадавшим животным», «В случае угрозы затопления я намерен делать запасы продуктов и предметов первой необхо-

⁴ Кулик А. А. Периоды психологической адаптации к экстремальной ситуации // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сборник научных статей международной научно-практической конференции / под ред. Р. В. Кадырова. – Владивосток, 2011. – С. 165–172.

⁵ Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК, 2006. – С. 323

⁶ Психологический словарь / ред. кол. В. В. Давыдов и др. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – С. 274–275.

димости», «После наводнения у меня появилось желание участвовать в ликвидации последствий наводнения», «После наводнения у меня появилось желание участвовать в защите города»); 2) сохранение привычной активности («В ситуации наводнения я планирую жить как обычно», «В ситуации наводнения я буду сохранять спокойствие»); 3) позиция наблюдателя («В ситуации наводнения я буду вести фото и видеосъемку происходящего», «Во время наводнения я буду активно обсуждать происходящее в социальных сетях»); 4) избегание («После наводнения у меня появилось желание уехать из города», «Если наводнение повторится, я постараюсь уехать из города на это время»). Высказывания в анкете были представлены в произвольном порядке, испытуемым предлагалось оценить степень своего согласия с предлагаемыми высказываниями с помощью следующей шкалы: «да», «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да», «нет». При обработке каждому варианту ответов присваивалось число баллов от 0 до 3 в соответствии со степенью выраженности каждого из намерений.

Поскольку распределение данных для результатов обеих методик оказалось не соответствующим нормальному распределению,

взаимосвязь между показателями рассчитывалась с помощью непараметрического критерия Спирмена (ρ) в программе *Statistica 6.0*.

Результаты исследования

Результаты исследования согласуются с полученными нами ранее данными⁷⁸, показывающими, что сила ретроспективных оценок своих эмоций во время наводнения у детей не имеет яркой выраженности. Средние значения для всех эмоциональных состояний не превышают пяти баллов, т. е. не достигают даже середины предложенной им шкалы оценок (табл. 1).

В воспоминаниях подростков 13–14 лет наводнение остается событием, не вызвавшим у них сильных эмоций в отличие от взрослых, для которых на первые места выходит тревога (5,2 балла)⁹.

Наибольшей степенью выраженности в воспоминаниях детей о наводнении обладают интеллектуальные эмоции (интерес, любопытство и удивление), на второе место выходят эмоции ожидания и прогноза (тревога, испуг и страх), далее следуют фрустрационные эмоции (печаль, горе и разочарование), которые, однако, в среднем не достигают даже двух баллов.

⁷ Ситяева С. М., Яремчук С. В., Махова И. Ю. Эмоциональные реакции подростков в ситуации наводнения 2013 года, произошедшего в г. Комсомольске-на-Амуре // 7-я Российская конференция по экологической психологии (28–29 сентября 2015 г., Москва). Тезисы / отв. ред. М. О. Мдивани. – М.-СПб., 2015. – С. 405–408.

⁸ Махова И. Ю., Ситяева С. М., Яремчук С. В. Ретроспективные переживания сельских и городских школьников по поводу чрезвычайной ситуации наводнения в Комсомольске-на-Амуре (август-сентябрь 2013 года) // Актуальные исследования в области безопасности жизнедеятельности: материалы

международной конференции, приуроченной к всероссийскому дню изобретателя и рационализатора (26–27 июня 2015 г., Ярославль) / науч. ред. А. Г. Гуштин. – Ярославль, 2015. – С. 49–53.

⁹ Яремчук С.В., Ситяева С.М., Махова И.Ю. Эмоциональные реакции населения, подвергшегося воздействию паводка, в ситуации угрозы повторения данного события // Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции / под ред. Р.В. Кадырова. – Владивосток, 2015. – С. 433–442.

Таблица 1

Средние значения ретроспективных оценок выраженности эмоций во время наводнения

Table 1

Means for retrospective evaluations of emotional reactions during the flood

Группы эмоций	Эмоции	Среднее значение
Интеллектуальные эмоции	интерес	4,2
	любопытство	4,3
	удивление	3,4
Эмоции ожидания и прогноза	тревога	2,9
	испуг	2,9
	страх	2,3
	ужас	1,4
	отчаяние	1,2
Фрустрационные эмоции	печаль	1,7
	горе	1,7
	разочарование	1,5
	гнев	0,6
Коммуникативные эмоции	презрение	1,0
	стыд	0,9
	вина	0,7

Результаты изучения намерений подростков в случае возможного повторения экстремальной ситуации представлены в таблице 2.

Типичными намерениями для большинства подростков в случае повторения экстремальной ситуации оказываются намерения, связанные с поддержанием привычной активности: с высказываниями «В ситуации наводнения я буду сохранять спокойствие» и «В ситуации наводнения я планирую жить как обычно» полностью согласны (дали ответ «да») 66,7 % и 50 % подростков соответственно.

Более половины подростков также полностью разделяют намерение делать запасы продуктов и предметов первой необходимости (52,3 % респондентов). Остальные намерения,

отражающие установки на активное преобразование ситуации, можно разделить на две группы: намерения, которые подростки разделяют в большей и меньшей степени. К разделяемым подростками намерениям можно отнести намерения помогать пострадавшим животным (69,8 % отвечают полным или относительным согласием с предлагаемыми утверждениями) и пострадавшим людям (61,1 %), а также намерение активно действовать (58 % подростков). Вторая группа намерений, которая не разделяется большим количеством респондентов, это желание участвовать в ликвидации последствий наводнения (52,2 % подростков ответили полным или относительным несогласием с данным утверждением) и желание участвовать в защите города (53,4 %).

Таблица 2

Намерения школьников в случае возможного повторения экстремальной ситуации

Table 2

Intentions of adolescents in case of the emergency situation

Группы намерений	Намерения	нет	скорее нет, чем да	скорее да, чем нет	да
Сохранение привычной активности	В ситуации наводнения я буду сохранять спокойствие	5,6	5,6	22,2	66,7
	В ситуации наводнения я планирую жить как обычно	6,7	20,0	23,3	50,0
Активные действия	В случае угрозы затопления я намерен делать запасы продуктов и предметов первой необходимости	9,1	13,6	25,0	52,3
	Если наводнение повторится, я буду помогать пострадавшим животным	12,4	18,0	29,2	40,4
	Если наводнение повторится, я буду помогать пострадавшим людям	16,7	22,2	40,0	21,1
	В ситуации наводнения я намерен активно действовать	23,9	18,2	37,5	20,5
	После наводнения у меня появилось желание участвовать в ликвидации последствий наводнения	32,2	20,0	28,9	18,9
	После наводнения у меня появилось желание участвовать в защите города	27,8	25,6	25,6	21,1
Позиция наблюдателя	В ситуации наводнения я буду вести фото и видеосъемку происходящего	41,1	21,1	18,9	18,9
	Во время наводнения я буду активно обсуждать происходящее в социальных сетях	38,9	31,1	12,2	17,8
Избегание	Если наводнение повторится, я постараюсь уехать из города на это время	38,2	31,5	15,7	14,6
	После наводнения у меня появилось желание уехать из города	56,7	22,2	7,8	13,3

На третьем месте оказались намерения, отражающие наблюдательную позицию школьников: только 37,8 % намерены в той или иной степени (ответили «да» или «скорее да, чем нет») вести фото и видеосъемку происходящего и 30 % – активно обсуждать происходящее в социальных сетях. На последнем

месте оказались намерения, связанные с избеганием ситуации: 69,7 % подростков выразили полное или относительное несогласие с высказыванием «Если наводнение повторится, я постараюсь уехать из города на это время», а больше половины (56,7 %) – категорическое несогласие с тем, что после наводнения у них появилось желание уехать из города.

Данные о взаимосвязи степени выраженности ретроспективных оценок эмоциональных реакций в экстремальной ситуации и намерений школьников в случае ее повторения, представлены в таблице 3.

Эмоции ожидания и прогноза оказались преимущественно связаны с намерениями осуществлять активные действия в случае повторения ситуации. Наибольшее число взаимосвязей при этом демонстрирует эмоция тревоги, а наименьшее число взаимосвязей из эмоций этой группы обнаружено у переживания отчаяния, связанного с желанием участвовать в защите города. Единственная эмоция этой группы, у которой обнаружена связь с намерением уехать из города, это эмоция ужаса.

Интеллектуальные эмоции оказались связаны с намерениями всех четырех групп. Возрастание интереса и удивления связано с увеличением силы намерения помочь пострадавшим людям, помимо этого увеличение интереса связано с усилением желания участвовать в защите города и активно обсуждать происходящее в социальных сетях, а удивление сопряжено с намерением активно действовать и сохранять спокойствие. Интерес и любопытство также оказались обратно связаны с намерением подростков уехать из города.

Сила фрустрационных эмоций (разочарование, горе, печаль) оказалась значимо связана с четырьмя намерениями, направленными на преобразование экстремальной ситуации: активно действовать, участвовать в защите города, помочь пострадавшим людям, участвовать в ликвидации последствий наводнения. Эмоция гнева демонстрирует положительную взаимосвязь только с намерениями участвовать в ликвидации последствий наводнения и защите города.

Что касается коммуникативных эмоций, были обнаружены значимые взаимосвязи чув-

ства вины с намерениями участвовать в ликвидации последствий наводнения и защите города, активно действовать и помогать пострадавшим людям. Эмоция стыда оказалась обратнo связана с выраженностью намерения сохранять спокойствие.

Обсуждение результатов

Таким образом, дети воспринимают экстремальную ситуацию наводнения на Дальнем Востоке в 2013 году как интересное событие, побуждающее их потребность в знаниях. Эмоции интереса и любопытства вызывают у детей желание искать новую информацию, обеспечивают избирательность внимания и восприятия в новых для них обстоятельствах. В соответствие с эволюционной теорией эмоций Р. Плутчика удивление выполняет функцию ориентации при контакте с новым объектом, а интерес обеспечивает поведение, направленное на получение схематичного представления об окружающей среде [16].

Обнаруженные в нашем исследовании факты согласуются с наблюдениями за реакциями детей во время наводнения: дети воспринимали его как исключительно интересное, интригующее, значимое событие своей жизни. Они с замиранием сердца ждали, когда вода поднимется еще больше, и фантазировали относительно дальнейшего развертывания событий. Такие реакции детей не описывались ранее в изученной нами литературе, поскольку чаще всего предметом исследования становятся реакции детей, вовлеченных в интенсивную экстремальную ситуацию, связанную с потерями и несущую угрозу жизни. Поскольку, как показывает литературный обзор, дети являются наиболее уязвимой для подобных стихийных бедствий категорий населения, обнаруженные слабые эмоциональные реакции детей противоречат ожиданиям

Таблица 3

Взаимосвязи между силой намерений подростков и ретроспективной оценкой эмоций, испытываемых ими в экстремальной ситуации (по критерию Спирмена, * выделены коэффициенты, значимые для $p \leq 0,05$)

Table 3

Correlation between intentions of adolescents and the retrospective evaluations of emotional reactions during the flood (Spearman Rank Order Correlations, marked correlations are significant at $p < .05$)

Намерения	Эмоции ожидания и прогноза					Интеллектуальные			Фрустрационные				Коммуникативные	
	тревога	испуг	страх	ужас	отчаяние	удивление	интерес	любопытство	гнев	разочарование	горе	печаль	вина	стыд
После наводнения у меня появилось желание участвовать в защите города	0,37*	0,39*	0,34*	0,28*	0,24*	0,20	0,25*	0,18	0,28*	0,25*	0,54*	0,47*	0,33*	0,14
Если наводнение повторится, я буду помогать пострадавшим людям	0,25*	0,22*	0,21*	0,07	0,19	0,26*	0,24*	0,15	0,17	0,23*	0,45*	0,28*	0,23*	0,05
В ситуации наводнения я намерен активно действовать	0,38*	0,30*	0,29*	0,21	0,08	0,28*	0,14	0,20	0,19	0,22*	0,52*	0,41*	0,27*	0,17
После наводнения у меня появилось желание участвовать в ликвидации последствий наводнения	0,22*	0,24*	0,16	0,15	0,09	0,16	0,15	0,07	0,33*	0,22*	0,55*	0,35*	0,39*	0,13
В случае угрозы затопления я намерен делать запасы продуктов и предметов первой необходимости	0,25*	0,18	0,11	0,00	0,19	0,11	0,19	-0,01	0,07	0,04	0,18	0,14	0,03	-0,04
В ситуации наводнения я буду сохранять спокойствие	0,05	-0,05	-0,10	-0,12	0,05	0,08	0,25*	0,12	-0,05	-0,05	-0,03	-0,17	-0,08	-0,26*
Во время наводнения я буду активно обсуждать происходящее в социальных сетях	0,19	0,17	0,09	0,04	0,15	0,24*	0,13	0,06	0,11	0,01	0,07	0,04	0,11	-0,16
После наводнения у меня появилось желание уехать из города	0,06	0,11	0,16	0,22*	0,16	-0,21	-0,28*	-0,28*	0,00	0,14	-0,07	0,18	0,08	0,11

взрослых, для которых чрезвычайная ситуация является существенной угрозой [17].

Негативные эмоции переживаются детьми гораздо реже и с гораздо меньшей степенью интенсивности. Это может объясняться сочетанием разнообразным факторов: стремлением взрослых оградить детей от негативных переживания; адаптивными системами психики, которые, перерабатывая негативные эмоции, оставляют в памяти преимущественно позитивную окраску жизненно важных событий [18]; а также существующим в обществе запретом «на негативные эмоции» [19]. Этот запрет, направленный на поддержание позитивного эмоционального состояния человека, имеет вместе с тем и ряд негативных следствий: невозможность пережить и переработать имеющиеся негативные чувства, сложности в отреагировании накапливающихся эмоций, недостаток социальной поддержки человеку, испытывающему негатив. Вместе с тем как показывают зарубежные исследования, эмоциональная открытость в отношениях детей и взрослых, открытое выражение эмоций по поводу стрессовой ситуации во время и после ее возникновения, является важным фактором восстановления подростков после пережитой экстремальной ситуации [20].

Как показывает исследование, длительная экстремальная ситуация, даже не имеющая серьезных последствий, оказывает влияние на мировоззрение подростка, создавая готовность к определенному типу реагирования. Полученные результаты согласуются с данными исследований Ш. О. Исмаилова, М. Г. Магомедова, О. С. Ширяевой, С. В. Кондрашенковой, Я. А. Суриковой и других авторов, показывающих, что в результате вовлечение человека в экстремальную ситуацию возникает готовность к возникновению экстремальных условий. В нашем исследовании большая часть подростков выразили намерение сохранять

спокойствие и жить как обычно в случае, если экстремальная ситуация повторится. Также для большинства является характерной установка на активные действия разной степени конструктивности (от намерения делать запасы продуктов и предметов первой необходимости до помощи пострадавшим людям и животным). Готовность к экстремальным условиям также проявилась в том, что большинство подростков выразило категорическое несогласие с утверждением «После наводнения у меня появилось желание уехать из города».

Одной из задач нашего исследования выступало выяснение, под влиянием каких эмоций оказываются решения, принимаемые в экстремальной ситуации, какими эмоциональными состояниями поддерживаются те или иные намерения, возникающие у подростков.

Эмоции, относящиеся к группе интеллектуальных (интерес, любопытство и удивление) оказались связаны с намерениями всех представленных в исследовании типов. Таким образом, интеллектуальные эмоции, придающие наибольшую окраску воспоминаниям подростков о наводнении, выполняют важнейшую функцию, оказываясь опорой для намерений детей осуществлять конструктивную активность, защищать свой город, помогать другим людям, сохранять оптимальное состояние спокойствия, необходимое для оптимального реагирования в экстремальной ситуации и адаптации к ней. Помимо этого, эмоции интереса и любопытства выполняют профилактическую функцию, уменьшая реакции избегания. Уменьшение интенсивности интереса и любопытства оказались тем фактором, который ведет к возрастанию желания подростков уехать из города, в котором произошла экстремальная ситуация.

Эмоции прогноза и ожидания, а также фрустрационные эмоции оказались связаны с

намерениями активно действовать в экстремальной ситуации, направленными на ее преодоление. При этом наиболее недифференцированный характер связей демонстрирует тревога: она сопряжена почти со всеми намерениями этой группы (участвовать в защите города, помогать пострадавшим людям, участвовать в ликвидации последствий наводнения, делать запасы продуктов и предметов первой необходимости). Возникновение более сильных эмоций негативного прогноза (испуг, страх, ужас, отчаяние) ведет к уменьшению числа связей, сужению фокуса активности подростков, а появление ужаса уже побуждает детей не только к защите города, но и желанию уехать из него. Тревога, страх, ужас, отчаяние выделяются Ф. Б. Березиным как стадии развития явлений тревожного ряда [21]. Тревога отражает переживание неопределенной угрозы, чувство неясной опасности, при конкретизации которой возникает чувство страха, ужас появляется в ситуации переживания неотвратимости надвигающейся катастрофы. Крайняя степень ужаса может привести человека в состояние отчаяния, для которого характерно чувство непреодолимости грозящей человеку опасности. Таким образом, возникновение каждого из этих чувств свидетельствует о том, что ребенок находится на определенной стадии развертывания негативных переживаний, и чем дальше продвинулся подросток в этом процессе, чем более негативный прогноз им переживается, тем более неопределенное воздействие оказывают эмоции ожидания.

Фрустрационные эмоции, представленные в исследовании (гнев, разочарование, горе, печаль), являются достаточно независимыми друг от друга, но все сходным образом связаны с силой намерений детей, побуждая их к активным действиям: участию в защите города и ликвидации последствий наводнения, помощи пострадавшим людям.

Е. П. Ильин [22] описывает фрустрационные эмоции как появляющиеся в ситуации неудовлетворения сильной потребности, возникновения в жизни человека препятствия, которое блокирует достижение его целей. Значимость потребностей приводит к тому, что фрустрационные эмоции мобилизуют активность ребенка, повышают силу их намерений совершать действия, связанные с преодолением фрустрирующего фактора, которым выступает наводнение. Такое же воздействие оказывает и чувство вины, опорой которому служит осознание своей ответственности за происходящее, что побуждает человека к самоизменению, и через это – к изменению ситуации.

Таким образом, основными эмоциями, испытываемыми детьми в длительной экстремальной ситуации, не угрожающей их жизни и здоровью, являются эмоции интереса, удивления и любопытства, становящиеся базой для конструктивных намерений, связанных с активными действиями в сложной жизненной ситуации, сохранением спокойствия и поиском социальной поддержки.

Негативные эмоции, возникающие у подростка в экстремальной ситуации, оказываются базой для возникновения у него намерений по ее активному преодолению, но лишь в случае, если речь не идет о сильных ярко выраженных эмоциях ужаса и отчаяния. В силу этого задачами взрослых при сопровождении детей в длительной экстремальной ситуации может явиться: 1) профилактика возникновения у детей переживаний неотвратимости и непреодолимости потерь в экстремальной ситуации, носящей длительный, но временный характер; 2) помощь детям в выражении их негативных чувств (тревоги и фрустрации), понимание значения негативных чувств в возникновении намерений, направленных на преобразование ситуации; 3) поощрение интереса

и любопытства детей к происходящим событиям, деталям экстремальной ситуации.

Важно понимать и помнить, что эмоции выполняют функцию мобилизации и побуждают активность детей, и задача взрослых – не уничтожить ее, а придать направление этой активности таким образом, чтобы это принесло максимальную эффективность в складывающейся сложной ситуации. Опыт переживания и преодоления экстремальной ситуации в младшем подростковом возрасте может стать для ребенка жизненным ресурсом развития в случае, если взрослые не накладывают запрет на эмоции ребенка и оказывают ему поддержку.

Выводы

Результаты исследования показывают, что основными эмоциями, с которыми связывается у подростков длительная экстремальная ситуация, являются эмоции интереса, удивления и любопытства.

Вследствие погружения в экстремальную ситуацию у подростков возникли намерения, связанные с поддержанием привычной активности, а также намерение делать запасы продуктов и предметов первой необходимости, и проявлять иную активность. При этом крайне редким является возникновение у подростков намерений, связанных с избеганием ситуации.

Анализ взаимосвязей эмоций подростков и их намерений показывает, что интеллектуальные эмоции (интерес, удивление и любопытство) связаны с намерениями активно действовать в случае повторения ситуации, сохранять спокойствие и обращаться к социальной поддержке. Уменьшение интенсивности интереса и любопытства сопряжено с возрастанием желания подростков уехать из города, в котором произошла экстремальная ситуация. Негативные эмоции, окрашивающие экстремальную ситуацию, оказались связаны с намерениями по ее активному преодолению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алам М. Ш., Родионова О. М.** Влияние стихийных бедствий на разные слои населения Республики Бангладеш // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 1 (56). – С. 252–255.
2. **Уварина Н. В.** Эмоциональная поддержка в структуре первой помощи детям в экстремальной ситуации // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2014. – № 3. – С. 48–51.
3. **Онищенко Н. В.** Ребенок в очаге чрезвычайной ситуации: оценка состояния и психологическая помощь // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Педагогика и психология». – 2013. – № 1 (23). – С. 45–52.
4. **Apetekar L., Boore J. A.** The emotional effects of disaster on children: A review of the literature // International Journal of Mental Health. – 1990. – Vol. 19 (2). – P. 77–90. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00207411.1990.11449164>
5. **Bokszczanin A.** PTSD symptoms in children and adolescents 28 months after a flood: Age and gender differences // Journal of Traumatic Stress. – 2007. – Vol. 20. – P. 347–351. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/jts.20220>
6. **Sitwat A., Asad S., Yousaf A.** Psychopathology, Psychiatric Symptoms and their Demographic Correlates in Female Adolescents Flood Victims // Journal of the College of Physicians and Surgeons. – 2015. – Vol. 25 (12). – P. 886–890. DOI: <http://dx.doi.org/12.2015/JCPSP.886890>

7. **Peng M., Liu A., Zhou J., Wen S., Li S., Yang T., Li X., Huang X., Abuaku B., Tan H.** Association between posttraumatic stress disorder and pre-flood behavioral characteristics among children aged 7–15 years in Hunan, China // *Medical Principles and Practice*. – 2011. – Vol. 20 (4). – P. 336–340. DOI: <http://dx.doi.org/10.1159/000323757>
8. **Колмаков Д. А., Галеева Е. А.** Психологическая помощь детям, попавшим в экстремальную ситуацию // *Молодой ученый*. – 2015. – № 6. – С. 24–27.
9. **Шленков А. В.** Возможности метода арт-терапии при оказании психологической помощи детям, пережившим чрезвычайные ситуации // *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях*. – 2016. – № 1. – С. 98–107.
10. **Венгер А. Л., Морозова Е. И., Морозов В. А.** Психологическая помощь детям и подросткам в чрезвычайных ситуациях // *Московский психотерапевтический журнал*. – 2006. – № 1. – С. 131–159.
11. **Speier A.** Psychosocial issues for children and adolescents in disasters. – Washington: U.S. Department of Health and Human Services, 2000. – 58 p.
12. **Uttervall M., Hultman C. M., Ekerwald H., Lindam A., Lundin T.** After the flood: resilience among tsunami-afflicted adolescents // *Nordic Journal of Psychiatry*. – 2014. – Vol. 68 (1). – P. 38–43. DOI: <http://dx.doi.org/10.3109/08039488.2013.767373>
13. **Мошкова И. Н., Осухова Н. Г., Янушкявичене О. Л.** Экстремальные ситуации в личностном развитии ребенка // *Социальная педагогика*. – 2012. – № 3. – С. 43–51.
14. **Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А.** Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 479 с.
15. **Ширяева О. С., Кондрашенкова С. В., Сурикова Я. А.** Личность и экстремальная среда: от выживания к полноценному функционированию // *Учёные записки Забайкальского государственного университета*. – 2012. – № 5. – С. 233–239.
16. **Plutchik R.** The Nature of Emotions // *American Scientist*. – 2001. – Vol. 89 (4). – P. 344–350. DOI: <http://dx.doi.org/10.1511/2001.4.344>
17. **Ситяева С. М., Яремчук С. В., Махова И. Ю.** Ретроспективные переживания населения района, пострадавшего во время наводнения в аспекте проблемы адаптации к экстремальным ситуациям // *Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций*. – 2016. – № 1. – С. 82–88.
18. **Нуркова В. В., Василевская К. Н.** Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены // *Вопросы психологии*. – 2003. – № 5. – С. 93–102.
19. **Холмогорова А. В., Гаранян Н. Г.** Культура, эмоции и психическое здоровье // *Вопросы психологии*. – 1999. – № 2. – С. 61–74.
20. **Lutz W. J., Hock E., Kang M. J.** Children's communication about distressing events: The role of emotional openness and psychological attributes of family members // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 2007. – Vol. 77. – P. 86–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0002-9432.77.1.86>
21. **Березин Ф. Б.** Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.
22. **Ильин Е. П.** Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1605.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1605.01)

Snezhana Mihajlovna Sityaeva, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Education Psychology Department, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9412-5215>

E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

Irina Jur'evna Makhova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Education Psychology Department, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9458-6206>

E-mail: miu60@mail.ru

Svetlana Vladimirovna Yaremtchuk, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Education Psychology Department, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1036-6826>

E-mail: svj@rambler.ru

EMOTIONS AND INTENTIONS OF ADOLESCENT IN A LONG-TERM EMERGENCY SITUATION: RETROSPECTIVE EVALUATION*

Abstract

This paper focuses on the empirical study of emotional reactions and intentions of adolescents who were in the disaster area and had experienced the 2013 flood in the Far East of Russia. The participants of the study were 91 adolescents, aged 13-14 years old. The empirical study included retrospective evaluation of emotional reactions and intentions in the emergency situation. Spearman's rank correlation analysis was used to find the associates between retrospective evaluation of intentions and emotional reactions. The study shows that the emotional reactions of adolescents are characterized by lower intensity than those of adults; and intellectual emotions (curiosity, surprise, interest) predominate among other emotions of adolescents in emergency situations. The results of correlation analysis found associates between intensity of surprise and interest and the intentions to act in the emergency situation. The intensity of interest and curiosity was negatively associated with the intentions of leaving the disaster area after the flood. The result indicated that intensity of negative emotions demonstrated positive associations with the intentions of activity in the emergency situation. In conclusion, some directions of supporting adolescents in a long-term emergency situation were established.

Keywords

Emergency situation, flood, emotions, intentions, adolescents, adaptation.

*This work is done with the financial support of The Russian Foundation for Humanities, project № 15-06-10067 «The set of population reactions to the environmental conditions changed due to a long-term emergency situation as a systemic psychological phenomenon (by the example of a flood situation in the Far Eastern Region)»

REFERENCES

1. Alam M. Sh., Rodionova O. M. Influence of natural disaster on different segments of the population of the Bangladesh Republic. *The world of science, culture and education*. 2016, no. 1 (56), pp. 252–255. (In Russian)
2. Uvarina N. V. Emotional support in the structure of primary care for children in an emergency situation. *Bulletin of the Council of young scientists and specialists of the Chelyabinsk region*. 2014, no. 3, pp. 48–51. (In Russian)
3. Onishchenko N. V. The Child in the Locus of an Emergency Situation: Status Assessment of Psychological Help. *Vestnik of Moscow City Teacher Training University. Pedagogy and Psychology*. 2013, no. 1 (23), pp. 45–52. (In Russian)
4. Apetekar L., Boore J. A. The emotional effects of disaster on children: A review of the literature. *International Journal of Mental Health*. 1990, vol. 19 (2), pp. 77–90. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00207411.1990.11449164>
5. Bokszczanin A. PTSD symptoms in children and adolescents 28 months after a flood: Age and gender differences. *Journal of Traumatic Stress*. 2007, vol. 20, pp. 347–351. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/jts.20220>
6. Sitwat A., Asad S., & Yousaf A. Psychopathology, Psychiatric Symptoms and their Demographic Correlates in Female Adolescents Flood Victims. *Journal of the College of Physicians and Surgeons*. 2015, vol. 25 (12), pp. 886–890. DOI: <http://dx.doi.org/12.2015/JCPSP.886890>
7. Peng M., Liu A., Zhou J., Wen S., Li S., Yang T., Li X., Huang X., Abuaku B., Tan H. Association between posttraumatic stress disorder and pre-flood behavioral characteristics among children aged 7–15 years in Hunan, China. *Medical Principles and Practice*. 2011, vol. 20 (4), pp. 336–340. DOI: <http://dx.doi.org/10.1159/000323757>
8. Kolmakov D.A., Galeeva E. A. Psychological assistance for children in emergency situations. *Molodoj uchenyj*. 2015, no. 6, pp. 24–27. (In Russian)
9. Shlenkov A. V. Art therapy capabilities in psychological assistance to children exposed to emergencies. *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2016, no. 1, pp. 98–107. (In Russian)
10. Venger A. L. Morozova E. I., Morozov V. A. Psychological assistance for children and adolescents in emergency situations. *Moscow psychotherapeutic journal*. 2006, no. 1, pp. 131–159. (In Russian)
11. Speier A. *Psychosocial issues for children and adolescents in disasters*. Washington, U.S. Department of Health and Human Services Publ., 2000, 58 p.
12. Uttervall M., Hultman C.M., Ekerwald H., Lindam A., & Lundin T. After the flood: resilience among tsunami-afflicted adolescents. *Nordic Journal of Psychiatry*. 2014, vol. 68 (1), pp. 38–43.
13. Moshkova I. N., Osuhova N. G., Janushkjavichene O. L. Extreme situations in the personal development of child. *Social pedagogy*. 2012, no. 3, pp. 43–51. (In Russian)
14. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psychology personality adaptation: analysis, theory, practice*. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2006, 479 p. (In Russian)
15. Shirjaeva O. S., Kondrashenkova S. V., Surikova Ja. A. Personality and Extreme Environment: From Survival to Full Functioning. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University. Series Pedagogy, Psychology*. 2012, no. 5, pp. 233–239. (In Russian)
16. Plutchik R. The Nature of Emotions. *American Scientist*. 2001, vol. 89 (4), pp. 344–350. DOI: <http://dx.doi.org/10.1511/2001.4.344>
17. Sityaeva S. M., Yaremtchuk S. V., Makhova I. J. Retrospective experiences of the population of the area affected during the flood in the aspect of the problem of adaptation to extreme situations. *Problems of safety and emergencies*. 2016, no. 1, pp. 82–88. (In Russian)

18. Nurkova V. V., Vasilevskaja K. N. Autobiographical memory in a difficult life situation: New phenomena. *Voprosy Psychologii*. 2003, no. 5, pp. 93–102. (In Russian)
19. Holmogorova A. V., Garanjan N. G. Culture, emotions and psychic health. *Voprosy Psychologii*. 1999, no. 2, pp. 61–74. (In Russian)
20. Lutz W. J., Hock E., Kang M. J. Children's communication about distressing events: The role of emotional openness and psychological attributes of family members. *American Journal of Orthopsychiatry*. 2007, vol. 77, pp. 86–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0002-9432.77.1.86>
21. Berezin F. B. *Psychic and psychophysiological human adaptation*. Leningrad, Sciences Publ., 1988, 270 p. (In Russian)
22. Il'in E. P. *Emotions and feelings*. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, 752 p. (In Russian)